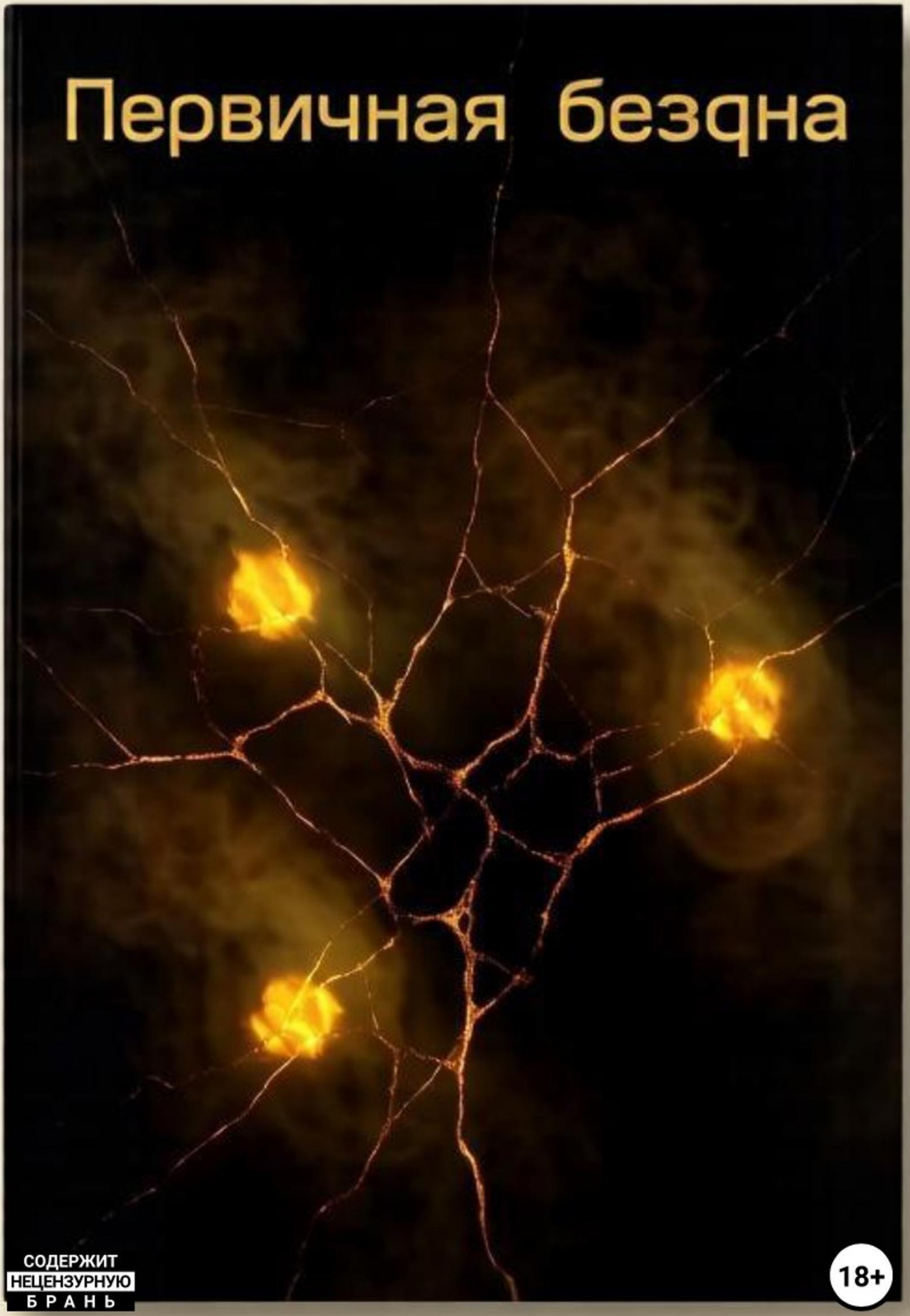
Первичная бездна



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Владислав Шкотов

Первичная Бездна

«Автор»
2026

Шкотов В. К.

Первичная Бездна / В. К. Шкотов — «Автор», 2026

Он упал с неба, чтобы стать богом. Но он не помнит, что уже умирал миллиарды раз.Атлантис, 189 год до н.э. Ночь Великого Приношения превращается в кровавую баню, когда на землю падает метеорит. Но внутри пылающего камня — не пустота. Это Первый Пожиратель. Альфа-билд разрушения. Древнее существо, которое голодно не просто плотью, а страхом.Он не помнит своего прошлого. Он не знает, что заперт в цикле. Он просто надевает тело первого встречного и начинает свою охоту. Для него люди — лишь мясо. Для города — конец света.Но когда жители пытаются убить его, они совершают страшную ошибку: они пытаются сделать его своим богом. Они еще не знают, что боги не прощают скуки. И когда страх иссякнет, они познают настоящий ужас.Это история о падшем божестве, запертом в ловушке. История о том, как Свет пытается запечатать Тьму. И о том, что в мире нет ничего бесконечного.

© Шкотов В. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог «Гость с неба» 5
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Владислав Шкотов
Первичная Бездна

Пролог «Гость с неба»

I. Атлантис, 189 год до н.э.

Ночь над Атлантисом пахла сандалом, жареным мясом и густым, сладким вином. Этот запах был тяжелым, почти осязаемым. Он стелился над площадью Великого Храма, смешиваясь с дымом сотен факелов, которые заливали белый камень мостовой дрожащим, оранжевым светом.

Сам город был живым существом. Он дышал. Его дыхание было влажным и тяжелым, как испарина на коже больного. Атлантис раскинулся на склоне холма, окруженный каменной стеной, которая казалась продолжением скал, вырубленных из земли. Внутри стен дома лепились друг к другу, как грибы на гнилом пне: глиняные стены, соломенные крыши, узкие улочки, где двое могли разминуться с трудом.

Днем здесь пахло потом, жареным луком и рыбьей чешуей. Женщины носили воду из колодца, переругиваясь с торговцами. Кузнецы били по наковальням, и этот звон разносился по всему городу, как удары сердца. Дети играли в прятки среди бочек, а старики сидели на порогах, щурясь на солнце и пережевывая сухие лепешки.

Но ночью Атлантис менялся. Ночью он становился другим.

Факелы на стенах заливали улицы дрожащим оранжевым светом, и тени становились длинными, изогнутыми. Они ползли по стенам, как живые. Ветер, который днем приносил запах моря, ночью забивался в щели и выл там, как голодный зверь. Собаки переставали лаять. Они поджимали хвосты и прятались под крыльцами.

Город спал, но не так, как спят люди. Он спал, как зверь, который слышит каждый шорох. Каждая дверь была заперта на три засова. Каждая ставня заколочена досками. И даже в самых богатых домах, где на столах стояло вино и жареное мясо, люди прислушивались к тишине за окном.

Они боялись. Не просто боялись. Они жили в страхе. Страх был в их крови, в их дыхании, в том, как они смотрели на лес. Лес был черной стеной на горизонте. Лес был тем местом, откуда никто не возвращался. Лес был им.

Народ Питучини готовился к Великому Приношению. Слуги в льняных туниках, обливаясь потом, сновали между длинными дубовыми столами. Они расставляли золотые блюда, доверху наполненные экзотическими фруктами, запеченной дичью, хлебом и сладостями. Это не был дикий, кровавый обряд пещерных варваров. Это был праздник. Демонстрация богатства, силы и абсолютной уверенности в завтрашнем дне.

Верховный староста, облаченный в тяжелые шелка, сидел на резном троне под навесом из шкур. Он лениво потягивал темное вино из золотого кубка, наблюдая за тем, как жрецы разжигают главный жертвенный костер. Он верил в богов, но еще больше он верил в то, что боги благосклонны к тем, кто может позволить себе приносить им такие дары. Он чувствовал себя хозяином этого мира, и мир этот вращался вокруг его трона.

— Начинайте, — махнул он рукой, и музыканты ударили в барабаны.

Ритм был медленным, тяжелым. Он отдавался вибрацией в костях. Жрецы затянули гимн — низкий, гортанный, тягучий. Лопиты поднимали чаши. Староста довольно улыбнулся, откинулся на спинку трона и поднял голову, чтобы взглянуть на звезды...

И замер.

Звезды были не на месте. Одна из них — ослепительно-белая, слишком яркая для обычной звезды — стремительно росла в размерах. Она прорезала ночное небо, оставляя за собой огненный след, который не гас.

Гул нарастал. Он шел не от земли. Он шел с неба. Он вдавливал в землю.

Барабаны сбились с ритма. Музыка стихла. Лопиты начали оборачиваться, роняя кубки. Староста привстал с трона, пролив вино на свои дорогие шелка. Его глаза расширились от ужаса.

Это была не падающая звезда. Это был камень. Огромный, пылающий кусок космоса, который летел прямо на них.

Удар пришелся за стенами города. Земля содрогнулась так, что с трона слетели подушки, а факелы погасли, погрузив площадь в полумрак. Лопиты попадали на колени, закрывая головы руками. Спустя несколько секунд тишину разорвал оглушительный рев — не звериный, не человеческий. Он шел со стороны леса.

Староста поднялся, отряхивая шелка. Его лицо исказила не столько злость, сколько растерянность. Праздник, который он готовил неделями, был испорчен.

— Стража! — рявкнул он, перекрывая панический гул толпы. — Двадцать человек. В лес. Узнайте, что это было. И если там кто-то выжил... приведите его ко мне.

Воины, стоявшие у края площади, переглянулись. Они не хотели идти в лес. Но приказ есть приказ. Они схватили копья и факелы и растворились в темноте.

II. Падение

Тяжесть. Не та, к которой он привык.

Атмосфера этой планеты вцепилась в его новое тело, как голодная собака в кость. Трение сжигало оболочку. Аватар был неповоротливым, слишком хрупким. Он не слушался.

Он видел внизу огни. Маленькие, жалкие искорки в бескрайней темноте. Они не дрожали. Они не гасли. Они просто горели, будто насмехаясь над ним.

Раздражение. Острое, злое, режущее изнутри. Он хотел выровнять полет, расправить крылья, показать им, кто здесь истинный хозяин. Но тело просто падало вниз. Камнем.

«Они должны были замолчать. Почему они горят?»

Удар был ослепительным.

Он рухнул в чаще леса за пределами города. Взрыв вырвал с корнем вековые деревья, превратив их в щепки. Земля вздрогнула, пошла трещинами. Воздух наполнился запахом горелой плоти и странной, кислой пыли, которая оседала на языке. Гравитация здесь была чуть тяжелее, воздух — плотнее, и каждый вдох давался с трудом.

Он лежал в центре кратера, в дыму. Тело горело. Не от боли. От голода.

Голод был звериным, первобытным. Он резал изнутри, требуя пищи. Это было сильнее всего. Сильнее раздражения. Сильнее злости. Он поднялся. Медленно. Тело дрожало от напряжения. Он выбрался из кратера.

Лес вокруг замер. Но не от страха. От любопытства. Этот мир не знал, что такое падающий бог.

Он услышал шаги. Не зверя. Двуногого. Хруст веток под мягкой обувью.

Из-за деревьев вышел лопит. Худощавый, сутулый мужчина лет сорока. Грязные светлые волосы, впалые щеки, уставшие глаза. На нем была простая холщовая туника, подпоясанная веревкой. В руках — плетеная корзина, доверху набитая грибами. Элиан. Собиратель. Он не был воином. Он не был героем. Он просто устал жить. Он всегда отводил взгляд, надеясь, что мир его не заметит.

Он увидел это. Не зверя. Не лопита. Что-то, что не имело формы. Элиан не успел даже закричать.

Оно бросилось на него. Это не был укус. Это было слияние. Оно проникло в него, как чернила в воду. Элиан дернулся, его глаза остекленели. Он открыл рот, но вместо звука вышел только черный дым. Тело Элиана на секунду вспыхнуло белым шумом, а затем — перестроилось.

На месте Элиана стоял он.

Это был Элиан, но не он. Кожа не просто бледная — она была как бумага, как у утопленника. Зрачки расширены до предела, почти полностью поглотили радужку. Они были черные. И в них не было ни капли тепла. Тело стало выше и шире. Плечи раздались. Руки стали длиннее. Он выглядел как Элиан, которого надули изнутри чем-то тяжелым. Одежда треснула по швам, обнажая бледную кожу.

Он двигался не как Элиан. Он двигался плавно. Слишком плавно. Как хищник, который только что научился ходить на двух ногах.

Он посмотрел на свои руки. Сжал и разжал пальцы. Это тело было ему мало. Оно было неудобным. Но оно работало. Он отбросил корзину с грибами. Ему нужно было мясо.

III. Мистейк

Он шел по лесу. Он чувствовал запах. Не грибов. Мяса.

Из кустов вышел мистейк. Огромный, с оранжевой, словно обожженной кожей, и кривыми клыками, торчащими из пасти. Местный хищник, который никогда не видел ничего страшнее себя.

Аватар не испугался. Он улыбнулся. Это была первая эмоция, которую он испытал в этом теле. И она была ужасна.

Он не стал бросаться сразу. Он сделал шаг вперед. Мистейк зарычал, пригнулся, готовясь к прыжку. Аватар просто ждал. Когда зверь бросился, он поймал его за морду. Длинные пальцы впились в оранжевую кожу. Раздался хруст. Мистейк дернулся, но Аватар уже сжимал его череп. Он сломал ему шею одним движением. Быстро. Без усилий. Как ломают сухую ветку.

Он не ел его сразу. Он смотрел на труп. Потом начал есть. Жадно, пачкаясь в темно-фиолетовой крови. Кровь была густой, теплой. Она пахла железом и чем-то еще. Чем-то диким. Он рвал мясо зубами, чувствуя, как оно скользит в горло. Это было... не то. Но это утоляло голод. Пока.

IV. Встреча со Стражей

И в этот момент появилась стража. Те самые двадцать воинов, которых отправил староста. Лопиты.

Они вышли из-за деревьев, освещая путь факелами. Копья наготове. Они остановились в десяти шагах, уставившись на фигуру, сидящую над тушей зверя.

Один из них, тот, что был впереди, опустил копье. Его лицо исказилось. Он узнал тунику. Узнал светлые волосы.

— Элиан? — позвал он. Голос дрогнул. — Элиан, это ты?

Аватар не ответил. Он смотрел на них. В его черных, расширенных зрачках не было ни капли узнавания. Только голод.

Он встал. Медленно. Слишком плавно для лопита. Он оказался на голову выше, чем был Элиан. Шире в плечах. Туника треснула по швам, обнажая бледную, как бумага, кожу.

— Элиан, — повторил воин. — Что с тобой?

Аватар сделал шаг.

Воины попятились. Они не понимали, что происходит. Это был их сосед, их друг. Но это был не он.

Аватар сделал еще шаг.

Первый воин не выдержал. Он бросился вперед, замахиваясь копьем. Аватар не уклонился. Он просто поймал древко. Сжал. Дерево хрустнуло. Воин дернулся, но не смог вырвать оружие.

Аватар посмотрел на него. Близко. И тогда его лицо изменилось.

Кожа на его щеках лопнула. Рот начал растягиваться. Челюсть вышла из сустава с тихим щелчком. Зубы удлинились, стали острыми, как иглы. Пасть открылась — шире, чем могла открыться у лопита. Намного шире. Черная, как бездна.

Воины закричали.

Аватар рванулся вперед и вцепился зубами в лицо первого воина. Не в шею. В лицо. Прямо в нос и губы. Он вгрызся в плоть. Раздался хруст. Воин дернулся. Его руки забили по воздуху. Аватар мотнул головой, вырывая кусок.

Кровь хлынула фонтаном.

Он проглотил. Не жуя. И снова вцепился. В шею. В плечо. Он рвал его на части, как голодный зверь. Он передернулся всем телом, когда кровь попала ему в горло. Это было не отвращение. Это было удовольствие.

Остальные воины стояли в шоке. Их командир кричал: «Оружие! Убейте его!».

Аватар бросил обезображенный труп на землю. Медленно выпрямился. Кровь заливала его подбородок, шею, тунику. Он больше не был похож на Элиана. Он был похож на мертвеца, который только что поел.

Он посмотрел на остальных.

— Боги... — прошептал один из них.

Аватар улыбнулся. Это была не человеческая улыбка. Слишком много зубов. Слишком широко.

Он бросился на них.

V. Погоня

Он рванулся за ними.

Сначала он бежал обычно. Как лопит. Две ноги, две руки. Тело Элиана двигалось неуклюже, но быстро. Он перепрыгивал через корни, огибал деревья. Ветки хлестали его по лицу, но он не чувствовал боли. Он чувствовал только азарт.

Первый беглец оглянулся. Увидел его. Закричал. Попытался ускориться. Второй, старик, бежал впереди, не оглядываясь. Они знали лес. Они надеялись, что он отстанет.

Но он не отставал. Он приближался.

И в этот момент Аватар понял, что двух ног недостаточно.

Он почувствовал, как внутри тела Элиана что-то сжалось. Как пружина. Спина начала гореть. Не от усталости. От неправильности. Это тело было слишком медленным. Слишком хрупким. Оно не могло догнать добычу.

На бегу его спина хрустнула.

Звук был мокрым, тошнотворным. Как будто кто-то сломал сырую ветку. Позвонки выгнулись дугой, выпирая наружу под бледной кожей. Холщовая туника разошлась по швам. Кожа на спине натянулась до предела, стала тонкой, как пергамент.

Он не остановился. Он продолжил бежать.

Плечи вывернулись вперед с тихим щелчком. Суставы рук выгнулись в обратную сторону — неестественно, как у паука. Руки удлинились. Пальцы вытянулись, стали тонкими и длинными, с обломанными ногтями, которые превратились в когти.

Он упал на четвереньки. Ладони ударились о землю. Но это были уже не ладони. Это были лапы.

Боль была невыносимой. Но он наслаждался ею. Потому что боль означала перестройку.

Теперь он двигался не как человек. Он двигался как зверь.

Первый беглец услышал звук. Не шаги. Скок. Тяжелый, ритмичный, как удары сердца. Он обернулся.

И закричал.

Он увидел не Элиана. Он увидел существо, которое неслось на него на четырех конечностях. Сгорбленная спина с выпирающими позвонками. Длинные руки, которые доставали до земли. Бледная, натянутая кожа. И пасть. Огромная. Растянутая до ушей. Полная игл.

Существо оттолкнулось от ствола дерева. Прыгнуло. Пролетело над землей, как тень.

Беглец не успел даже сделать шаг в сторону. Существо врезалось в него, сбило с ног, придавило к земле. Длинные пальцы вцепились в плечи, пробивая плоть до кости. Раздался хруст. Крик захлебнулся кровью. Пасть вгрызлась в лицо.

Второй беглец, старый воин, споткнулся. Упал. Он смотрел, как то, что раньше было Элианом, рвет его товарища на части. Он видел, как оно мотает головой, вырывая куски. Как оно передергивается всем телом, проглатывая. Как кровь стекает по его бледному лицу.

Аватар поднял голову. Посмотрел на старика.

Старик не побежал. Он выхватил меч. Дрожащими руками. Поднял его. Направил на существо.

— Стой, — прошептал он. — Стой, тварь.

Существо наклонило голову. Медленно. Слишком плавно. Оно отпустило труп. Поднялось на задние лапы. Теперь оно было выше старика. Намного выше. Его длинные руки свисали почти до земли.

Оно сделало шаг вперед.

— Ты... — прошептал старик. — Ты... не Элиан...

Существо остановилось. Посмотрело на меч. Потом на лицо старика.

И тогда оно улыбнулось.

Кровавый разрез растянулся. Зубы, слишком большие для этого рта, обнажились.

— Мясо, — прохрипело оно.

Голос был низким, гортанным. Он шел не из горла. Он шел откуда-то из груди.

Старик закричал. Бросился вперед. Замахнулся.

Существо поймало лезвие рукой. Сжало. Кровь потекла по клинку. Но оно не отпустило. Держало. Смотрело старику в глаза.

Потом рвануло меч на себя. Старик потерял равновесие. Упал.

Существо наступило ему на грудь. Наклонилось. Близко. Так близко, что старик видел свое отражение в его черных глазах.

— Мы... — прохрипел старик. — Мы... не... мясо...

Существо склонило голову набок. Будто обдумывая его слова.

Потом оно сжало его горло. Раздался хруст.

Аватар выпрямился. Посмотрел на трупы. На свои руки. Длинные, бледные, в крови. Он больше не был Элианом. Он был собой.

Он поднес руки к лицу. Понюхал. Облизал. Медленно. Смакуя.

Вкус был правильным.

Он поднял голову. Посмотрел в сторону города. Сквозь деревья виднелись огни. Факелы. Стены.

Он слышал шум. Паника. Крики. Топот ног. Они уже знали.

Он сделал шаг. Потом еще один.

И в этот момент он понял, что на четвереньках быстрее.

Он опустился на землю. Длинные руки уперлись в грязь. Он рванул вперед.

Теперь он двигался не как лопит. Он двигался как хищник. Как то, чем он и был.

Он вышел из леса на открытое пространство перед стенами Атлантиса.

VI. Ворота

Луна — огромная, бледная, чужая — висела низко над горизонтом, заливая поле мертвенным светом. Трава была вытоптана сотнями ног, земля — твердая, покрытая коркой грязи. Впереди, в сотне шагов, возвышалась стена. Невысокая, сложенная из грубого, неровного камня, она казалась продолжением скал, из которых ее вырубили. За ней — огни. Множество факелов. Их свет дрожал, метался, будто пламя тоже боялось.

Он остановился.

Ветер донес запахи. Дым. Пот. Гниющая пища. И страх. Густой, тяжелый, как патока. Он висел над городом, пропитывал воздух, оседал на языке.

Аватар сделал шаг вперед. Потом еще один. Медленно. Он не спешил. Он изучал.

Земля под ногами была другой. Не такой, как в лесу. Твердая, утоптанная. Он наступил на что-то — кусок обугленного дерева. Наклонился. Поднял. Понюхал. Пахло дымом и чем-то еще, химическим. Он отбросил его.

Он подошел к воротам.

Они были огромными. Сделаны из толстых, вертикально поставленных бревен. Темное дерево, обитое железными полосами. Железо было ржавым, покрытым оспинами, но еще крепким.

Он остановился прямо перед ними.

Протянул руку. Медленно. Коснулся дерева.

Ладонь — бледная, с длинными пальцами — скользнула по шероховатой поверхности. Он нахмурился. Это было не мясо. Не кость. Не кровь. Это было что-то другое. Твердое. Мертвое. Но не мертвое, как труп. Мертвое, как камень.

Он постучал. Кулаком. Раздался глухой, тяжелый звук. Дерево не поддалось.

Он ударил сильнее.

Ворота дрогнули. Железные полосы заскрежетали. С той стороны раздались крики. Лопиты. Много. Он слышал топот ног. Лязг оружия. Голоса. Они были за стеной. Они прятались.

Он прижался лицом к щели между бревнами. Посмотрел внутрь.

За воротами стояли воины. Но он видел не только их. Он видел город.

Он видел узкие улицы, залитые светом факелов. Он видел дома, прижавшиеся друг к другу, как испуганное стадо. Он видел колодец в центре площади, у которого днем собирались женщины. Сейчас он был пуст. Только веревка раскачивалась на ветру.

Он видел храм. Большой, сложенный из белого камня. На его ступенях стояли жрецы. Они держали факелы. Они пели. Но их песня была не гимном. Это была молитва. Быстрая, сбивчивая, полная ужаса.

Он чувствовал запах. Не только страх. Запах гниющей еды. Они бросили свои пиры. Они бросили свои столы. Они забыли о вине и мясе. Они думали только о том, как выжить.

Он видел детей. Они стояли позади воинов, прижавшись к матерям. Они не плакали. Они просто смотрели. Широко раскрытыми глазами. Они еще не понимали, что происходит. Но они чувствовали страх своих родителей. И это было страшнее любого крика.

И тогда он почувствовал это.

Это не был запах. Не был звук. Это было ощущение. Тяжелое, густое, как мед. Оно шло от них. От всех сразу. Оно висело в воздухе, пропитывало землю, стены, даже воздух.

Страх.

Он узнал его. Не умом. Телом. Этот запах он чувствовал на стражниках в лесу. Но тогда это был страх нескольких лопитов. А сейчас — это был страх всего города.

Он закрыл глаза. Вдохнул.

Страх был сладким. Тягучим. Он оседал на языке, как вино. Он наполнял тело теплом, которого не давало мясо.

Он стоял так несколько секунд. Просто дышал. Пил их страх.

Потом открыл глаза.

Посмотрел на воинов. На их лица. На их дрожащие руки. На то, как они сжимают копья. На то, как один из них — молодой, с белыми от ужаса глазами — не выдержал и отвел взгляд.

Он посмотрел на старосту. Тот стоял на ступенях Храма, позади всех. Его лицо было бледным. Он сжимал кубок так, что побелели костяшки. И он смотрел. Прямо на него. Не отводил взгляд.

Аватар улыбнулся.

Медленно. Широко. Так, чтобы они видели. Так, чтобы они запомнили.

Пасть растянулась. Кожа на щеках натянулась, но не лопнула. Пока. Он просто улыбался. И это было страшнее, чем если бы он рычал.

Он поднял руку. Прижал ладонь к воротам. Подержал. Будто прощаясь.

Потом развернулся. Медленно. Спокойно. И пошел обратно в лес.

Воины за воротами стояли в тишине. Они не понимали, что произошло. Они ждали штурма. Ждали, что он будет ломать ворота, рваться внутрь, убивать. А он просто ушел.

Один из воинов, молодой, с дрожащими руками, прошептал:

— Почему он ушел?

Староста не ответил сразу. Он смотрел на удаляющуюся фигуру. На то, как она растворяется в темноте леса. На то, как ветви смыкаются за ней.

— Потому что он не хочет ломать ворота, — сказал он тихо. — Он хочет, чтобы мы боялись.

Он замолчал. Потом добавил, еще тише, почти шепотом:

— И у него это получается.

VII. Лес

Аватар шел по лесу. Медленно. Он не бежал. Ему некуда было спешить.

Тело Элиана устало. Мышцы ныли. Кровь на руках и лице засохла, стянула кожу. Но он не обращал на это внимания. Он думал.

Он думал о том, что видел. Стена. Ворота. Сотни воинов. Их страх. Их глаза.

Он остановился. Посмотрел на свои руки. Они были в крови. Чужой. И своей. Он не чувствовал боли. Только голод. Но не тот, звериный, который заставлял его рвать мистейка. Другой. Более глубокий. Тот, который не утоляется мясом. Тот, который требует страха.

Он поднял голову. Посмотрел на город. Огни все еще горели. Люди все еще боялись. Он чувствовал их страх даже отсюда. Он висел над городом, как тяжелый, влажный туман.

Он улыбнулся. Снова. Но теперь это была не та улыбка, что у ворот. Это была улыбка охотника, который знает, что дичь никуда не денется.

Он нашел дерево. Прислонился к нему спиной. Сел. Закрыл глаза. Он будет ждать. Он умеет ждать.

VIII. Атлантис

В городе не спали.

Воины стояли на стенах. Смотрели в темноту. Ждали. Факелы горели ярко, освещая поле перед воротами. Но там никого не было. Только трава. Только тени.

Староста сидел в Храме. Перед ним — жрецы. Они молились. Просили богов о защите. Староста не молился. Он смотрел на огонь. И думал.

Он думал о том, что видел. О том, как это существо — в теле Элиана — стояло у ворот. Как оно трогало дерево. Как оно улыбалось. Он думал о том, что оно не боялось. Ни копий. Ни стен. Ни богов. Оно просто смотрело. И ждало.

Староста поднялся. Подошел к алтарю. Взял чашу с вином. Выпил. Одним глотком.

— Оно вернется, — сказал он тихо. — Сегодня. Или завтра. Но оно вернется.

Жрецы замолчали. Посмотрели на него.

— Что нам делать? — спросил один из них.

Староста посмотрел на него. В его глазах не было страха. Только усталость.

— Ждать, — сказал он. — И надеяться, что боги услышат нас.

Он замолчал. Потом добавил, еще тише:

— Потому что мы — не боги. Мы — мясо.

ГЛАВА 1: «Двадцать седьмой день»

I. Пробуждение

Он не спал. Но и не бодрствовал.

Двадцать семь дней он просидел под вековым деревом на самом краю леса, привалившись спиной к шершавому стволу. Время для него текло иначе, чем для этих жалких существ. Для них это был почти месяц страха и молитв. Для него — лишь короткая пауза, чтобы пищеварение завершилось, а ужас в городе настоялся до нужной кондиции.

Оболочка Элиана остыла. Она давно перестала быть живой в привычном смысле этого слова. Кора впивалась в спину, оставляя на бледной коже глубокие борозды. Ветки касались лица, оставляя на щеках зеленоватый налет. Птицы, не чувствуя угрозы, свили гнездо в спутанных, грязных волосах. А мох, влажный и мягкий, начал прорастать сквозь трещины на босых ногах, оплетая пальцы, как вторая кожа.

Это тело стало похоже на статую, высеченную из серого камня. На труп, который забыли похоронить. На кусок плоти, брошенный в лесу на съедение червям.

Но он не умер. Он ждал.

И на двадцать седьмой день его глаза резко открылись.

Не медленно, как у просыпающегося существа. Не сонно. А мгновенно. Как у хищника, который услышал шаги добычи. В этих глазах не было ни зрачков, ни радужки. Только черная, бездонная пустота. Но где-то в самой ее глубине тлели два тусклых желтых огонька.

Он сделал вдох. Глубокий. Судорожный. Как утопленник, которого насильно вытащили на берег. Воздух обжег легкие, заставив грудную клетку выгнуться. Пахло сыростью, гниющей листвой и чем-то еще. Чем-то живым. Пахло кровью.

И тогда он снова почувствовал свою тюрьму.

Она была тяжелой. Неповоротливой. Как мешок с мокрым песком. Мышцы не слушались. Они мешали. Они были слишком медленными, слишком хрупкими, слишком... примитивными.

Он попытался пошевелить пальцами. Они дернулись. Неуклюже. Как у младенца. Как у покойника, которого пытаются оживить через силу.

— Да шевелись же, — прохрипел он.

Голос был чужим. Сорванным. Связки Элиана одеревенели от долгого молчания.

Он сжал кулак. Ногти, обломанные и грязные, впились в ладонь. Больно. Но как-то мелко. Раздражающе. Это была не та боль, которая очищает. Это была боль пленника, который ударился о стену своей камеры.

— Дрянь. Какая же ты... — он выдохнул, чувствуя, как воздух с сипом выходит из легких. — Бесполезная дрянь.

Он попробовал встать. Ноги подогнулись, не выдержав веса. Он рухнул обратно, но успел схватиться за ствол. Кора впилась в ладонь, оставляя занозы под ногтями.

— Ну давай. Давай, тварь. Вставай.

Мышцы сводило судорогой. Он чувствовал, как под кожей пульсирует кровь. Как бьется сердце — глухо, тяжело, слишком громко. Как легкие хрипят при каждом вдохе. Слишком много шума. Слишком много ощущений. Эта плоть была настоящей пыткой.

— Заткнись, — прошептал он, обращаясь к собственному сердцу. — Просто... заткнись.

Он сделал шаг. Колено хрустнуло. Сустав, отвыкший от движения, издал звук, похожий на треск сухой ветки.

Он замер. Прислушался к себе. К тому, как скрипят кости. Как дрожат мышцы. Как организм сопротивляется.

Он выдохнул через нос. Тяжело. Потом схватился за ствол дерева и поднялся. Медленно. Опираясь на кору, царапая ее ногтями.

Слабость. Оно отвыкло двигаться. Оно забыло, что значит быть живым.

Он стоял. Покачивался. Смотрел на лес.

Вокруг была тишина. Не та мирная тишина, что бывает на рассвете, когда птицы еще спят. Это была другая тишина. Мертвая. Ни зверей, ни насекомых. Вся живность затаилась, чувствуя присутствие хищника, который не принадлежал этому миру.

И тогда он почувствовал голод.

Не тот, звериный, который заставлял его рвать мистейка в первые дни. Другой. Более глубокий. Тот, который скреб когтями по стенкам желудка. Тот, который пульсировал в висках. Тот, который требовал не просто мяса, а эмоций.

Он посмотрел на город.

Сквозь ветви деревьев он видел огни факелов. Они дрожали на стенах, как испуганные светлячки. Тени воинов метались туда-сюда, как в кошмарном сне. Они боялись. Он чувствовал их страх даже отсюда. Он висел над городом, как тяжелый, влажный туман. Оседал на языке. Был сладким.

Но страх не утолял голод. Страх был вином. А ему нужно было мясо.

Он улыбнулся.

Медленно. Широко. Пасть растянулась, обнажая зубы, которые были слишком острыми для этого рта. Кожа на щеках натянулась. Но не лопнула. Пока.

Он сделал шаг. Потом еще один. Его босые ноги ступали по холодной, влажной земле, оставляя за собой цепочку глубоких следов.

И пошел.

II. Путь

Он не пошел к воротам. Ворота были твердыми. Он это запомнил. Железо и дерево, скрепленные вместе, — это не мясо, это не кость. Это не поддастся его пальцам.

Он пошел вдоль внешней стены. Медленно. Еле передвигая ноги.

Земля снаружи была холодной, покрытой росой, которая тут же пропитывала тонкую ткань его туники. Трава хлестала по босым ногам, оставляя на коже невидимые порезы. Он наступил на сухую ветку. Она хрустнула. Звук показался оглушительным в этой мертвой тишине. Он замер, прислушиваясь. Но никто не вышел. Никто не закричал. Лопиты за стенами спали в своих домах, укрывшись за тремя засовами.

Он шел мимо факелов, которые горели на стенах. Он слышал, как внутри города лопиты дышат. Как они ворочаются на своих жестких постелях. Как они боятся. Он чувствовал их страх сквозь толстые каменные стены. Он чувствовал его, как тепло от очага. Он мог бы попытаться выломать ворота. Но это было слишком шумно. Он искал лазейку.

Он нашел место, где камни были выщерблены, а стража стояла далеко. Там была тень. Густая, черная, как провал в бездну. Он шагнул в нее.

Он пополз.

Оболочка Элиана, которую он снова вывернул под неестественным углом, цеплялась длинными пальцами за выступы. Он поднимался по стене, как паук. Медленно. Уверенно. Каждый рывок отдавался болью в пустом желудке. Камни были холодными. Острыми. Они царапали кожу на пальцах, оставляя кровавые следы. Он чувствовал, как под ногтями собира-

ется грязь. Как она смешивается с кровью. Но он не обращал внимания. Он смотрел только вверх. На край стены.

Он перелез через край. Спрыгнул в темноту.

Приземлился на четвереньки. Мягко. Беззвучно. Как кошка.

И вот теперь он был внутри.

Город спал. Точнее, делал вид, что спит. Он чувствовал, как за закрытыми ставнями дрожат лопиты. Как они прислушиваются к каждому шороху. Как они молятся своим каменным идолам. Он слышал, как где-то плачет ребенок. Как кто-то шепчет слова молитвы. Как собака скулит под крыльцом, забившись в щель.

Он пошел по улицам. Босые ноги ступали по холодной, утоптанной земле. Он не торопился. Он нюхал.

Запах страха был везде. Он пропитал этот город насквозь. Он был в стенах домов, в земле, в воздухе. Он висел над Атлантисом, как тяжелый, влажный туман. Но он искал другой запах. Запах теплой крови. Запах свежего мяса.

Но тело мешало. Оно было тяжелым. Неповоротливым. Слишком шумным. Сердце стучало, отдаваясь в висках. Кровь шумела в ушах. Легкие хрипели при каждом вдохе. Эта плоть изнашивалась. Она требовала отдыха.

Он попытался ускориться. Тело споткнулось. Он чуть не упал, схватившись за угол дома.

— Проклятое.

Он прислонился к стене. Перевел дыхание. Посмотрел на свои руки. Длинные пальцы. Бледная, покрытая грязью кожа. Дрожь.

— Как на этом вообще ходить? — пробормотал он. — Как вы это терпите?

Он оттолкнулся от стены. Пошел дальше. Медленнее. Но злее. Он знал, что где-то там, в темноте улиц, спят его жертвы. И он найдет их. Даже если для этого ему придется ползти.

III. Дом

Он нашел его.

Маленький. Приземистый. Глиняные стены, покрытые сетью глубоких трещин, соломенная крыша, просевшая под тяжестью времени и сырости. Дверь была заперта на толстый деревянный засов.

Он остановился перед ней. Замер. Прислушался.

Внутри дышали. Трое. Или четверо. Он слышал, как бьются их сердца. Как они ворочаются во сне. Как кто-то из них тяжело, с хрипом, вздыхает. Он чувствовал запах тел. Пот, грязная одежда, остатки еды. И страх. Тот самый, животный, первобытный ужас, который они даже не осознавали.

Он толкнул дверь. Засов хрустнул, как сухая кость. Дерево подалось. Дверь открылась с тихим, протяжным скрипом, который в тишине показался оглушительным.

Внутри было темно. Пахло очагом, старой золой и чем-то еще. Чем-то живым. Теплым. Он шагнул внутрь, и тьма сомкнулась за его спиной.

На кровати спали двое. Мужчина и женщина. Рядом, на полу, свернувшись калачиком под старым, протертым одеялом, спал ребенок.

Он подошел к ложу. Медленно. Босые ноги ступали по утоптанному земляному полу. Он смотрел на них.

Они были мясом. Теплым. Живым. Мясо, которое дышало. Мясо, которое сейчас откроет глаза.

Но он не бросился. Он стоял. И смотрел. Он ждал.

Мужчина пошевелился. Медленно. Словно чувствуя присутствие чужого. Он открыл глаза. Сначала сонные, мутные. Потом они сфокусировались на силуэте.

Он не закричал. Он замер.

Его дыхание сбилось. Глаза расширились, белки стали белыми, как мел. Он хотел закричать, но не мог. Горло сжалось. Мышцы парализовало. Он просто смотрел. Смотрел в черные, бездонные глаза, в глубине которых горели тусклые желтые огоньки.

И тогда Аватар улыбнулся.

Медленно. Широко. Пасть растянулась. Кожа на щеках натянулась. Но не лопнула. Пока. Он просто улыбался. И это было страшнее, чем если бы он рычал. Потому что эта улыбка была не человеческой. Слишком много зубов. Слишком широко. Слишком спокойно.

Он сделал шаг вперед. Медленно. Мужчина отполз. Его спина уперлась в стену. Женщина проснулась. Увидела его. Увидела улыбку. И закричала.

Крик был высоким. Визгливым. Он резал тишину, как нож.

Аватар не бросился на нее. Он посмотрел на нее. Он позволял ей кричать. Он позволял ей будить других. Он позволял ей захлебываться в собственном ужасе.

Потому что страх — это вино. И он хотел, чтобы оно настоялось.

Он подошел к кровати. Медленно. Наклонился. Мужчина попытался оттолкнуть его. Его руки дрожали, но он пытался. Аватар поймал его за запястье. Сжал.

Раздался хруст. Сухой и короткий. Лучевая кость сломалась под его пальцами. Мужчина закричал. Аватар наклонился ближе. Вдохнул запах его страха. Он пах кислым. Как прокисшее молоко. Как гнилая вода. Этот запах пьянил.

Он отпустил руку мужчины. И медленно, почти нежно, сомкнул пальцы на его горле. Мужчина захрипел. Его руки забили по воздуху, пытаясь оторвать от себя эти длинные, бледные пальцы. Но они были как сталь.

Аватар смотрел ему в глаза. Он видел, как в них гаснет жизнь.

Сначала зрачки расширились — до предела, так, что радужка почти исчезла. Потом в белках начали лопаться капилляры. Тонкие красные нити расползались по склере, как трещины по стеклу. Из приоткрытого рта на подбородок побежала белая, пенистая слюна. Лицо мужчины наливалось багровым цветом, вены на висках вздулись, готовые лопнуть.

Аватар склонил голову набок, наблюдая.

Это было красиво.

Не как произведение искусства, которое вызывает восхищение. Как работа идеально отлаженного механизма. Как момент, когда давление в котле достигает критической точки. Он видел, как страх в глазах мужчины сменяется пустотой. Как в них гаснет последняя искра. Как зрачки расширяются в последний раз, фиксируя то, что они никогда не смогут осознать.

Он отпустил. Мужчина обмяк. Сполз с кровати на пол. Как мешок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.